
КУЛЬТУРНЫЕ СТРАТЕГИИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

CULTURAL STRATEGIES IN MEDIA SPACE

УДК 316.77

«ТРЕТЬЕ МЕСТО» КАК ОРГАНИЗУЮЩЕЕ НАЧАЛО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ Ж.-М. ГЕНАССИЯ «КЛУБ НЕИСПРАВИМЫХ ОПТИМИСТОВ»

Л. А. КАПИТАНОВА¹⁾

¹⁾Псковский государственный университет, пл. Ленина, 2, 180000, г. Псков, Россия

Представлен вариант анализа пространственной организации романа Ж.-М. Генассия в аспекте городской коммуникативной практики «третье место». Несмотря на то что данная форма межличностной коммуникации полноправно заявила о себе спустя три десятилетия после изображенных писателем событий, «клуб неисправимых оптимистов» имеет необходимые основания для ее позиционирования как прообраза «третьего места» в системе городской среды. Это показано в процессе осмысления своеобразия интересов, ценностей, поведенческих практик, жизненного уклада членов клуба – политических эмигрантов из стран Восточной Европы, ныне жителей Парижа. Вместе с тем фактор общей судьбы изгнанников, обреченных на бесприютность в пространстве чужого города и реализовавших в клубном «месте» надежду на обретение дома на чужбине, позволяет выявить трансформированные смыслы традиционного «третьего места», что, несомненно, помогает понять авторский замысел романа-континуума, а также его героев, включая основного рассказчика. Обозначена проблема соотносительности приватной и публичной сфер клубного «места», обосновано доминирование последней вследствие «заселенности» клуба политическими эмигрантами, закономерно склоняющимися к общественно значимым коммуникациям и коммуникативному акту, связанному с обменом мнениями в стенах клуба.

Ключевые слова: роман; эмиграция; городские коммуникативные практики; коммуникативный акт; «третье место».

Образец цитирования:

Капитанова Л. А. «Третье место» как организующее начало художественного пространства в романе Ж.-М. Генассия «Клуб неисправимых оптимистов» // Журн. Белорус. гос. ун-та. Журналистика. Педагогика. 2017. № 1. С. 54–60.

For citation:

Kapitanova L. A. «The third place» as the arranging point of fictional space in the novel of Jean-Michel Guenassia «Le Club des incorrigibles optimists». *J. Belarus. State Univ. Journalism. Pedagog.* 2017. No. 1. P. 54–60 (in Russ.).

Автор:

Людмила Анатольевна Капитанова – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой связей с общественностью и журналистики факультета русской филологии и иностранных языков.

Author:

Ludmila Kapitanova, doctor of science (philology), full professor; head of the department of public relations and journalism, faculty of the Russian philology and foreign languages.
kapitanova@rambler.ru

«THE THIRD PLACE» AS THE ARRANGING POINT OF FICTIONAL SPACE IN THE NOVEL OF JEAN-MICHEL GUENASSIA «LE CLUB DES INCORRIGIBLES OPTIMISTS»

L. A. KAPITANOVA^a

^a*Pskov State University, Lenina square, 2, 180000, Pskov, Russia*

The paper considers fictional space model represented in the novel of Jean-Michel Guenassia as a city communication practice «the third place». Though this of form of interpersonal communication came into the limelight three decades after the described fictional events, «Le Club des incorrigibles optimists» can be treated as the prototype of the «the third place» in the cityscape system. It shows the reflection of the peculiarities of the club members' interests, values, behavioral patterns, and lifestyle. They are current Parisians, political immigrants from Eastern Europe and they share the fate of outcasts who are doomed to the life of homeless and cast off people. The club is viewed as a part of the alien city fictional space, where they get the hope to obtain a home in the foreign country. It lets the reader find the transformed senses of the traditional «third place» and perceive the hidden ideas of the novel-continuum and its characters, including the narrator. The paper deals with the problem of correlation between the public and private spheres of club location, the first of which is treated as the dominant because the political immigrants exchange opinions in the club and are prone to socially important communication acts.

Key words: novel; emigration; city communication practice; act of communication; «the third place».

В каждом бистро, обнимая соседа,
кто-нибудь плакал и пел.
Не умолкала под песню беседа –
родина, слава, герои, победа...
Груды развалин и тел.

Лидия Червинская

Романы, подобные произведению «Клуб неисправимых оптимистов» Жан-Мишеля Генассия [1] (2009, Гонкуровская премия лицеистов), называют романами-континуумами, т. е. исполненными смысловой множественности и, соответственно, многотрудности постижения сути авторского замысла. В этом отношении особенно показательна проблематика данного романа, «берега» которой простираются от вопроса пограничности мира, жизни, сознания [2], когда человек, говоря языком современных философских парадигм, оказывается бездомным, надтерриториальным, межкультурным, внеположенным, отчужденным, до классического вопроса отцов и детей. Однако при этом Генассия заключает повествование в мастерски продуманное пространственное лоно, отчего роман приобретает очевидную внешнюю и внутреннюю гармоничность. Организующим же основанием художественного пространства «Клуба неисправимых оптимистов» явилась ни больше ни меньше идея «третьего места», весьма гармонично, как известно, сопрягающаяся с пространством города [3].

Понятно, что время романа (1950–60-е гг.) не знает этой городской коммуникативной практики. Тем не менее «клуб неисправимых оптимистов», в котором стягиваются в крепкий узел все смыслы происходящего в романе, выступает непосредственным прообразом «третьего места» как одной из городских коммуникативных практик, начало формирования которых приходится на конец 1970-х гг. [4].

В содержательном отношении роман Генассия необычайно объемный: в нем повествуется о взрослении подростка, его первой любви, сложных семейных отношениях, войне в Алжире, коммунистах, Сартре и Камю, судьбе парижских эмигрантов, шахматах, музыке Сергея Прокофьева, эхе Второй мировой войны и Большого террора, Берлинской стене и первых пластинках Битлз, рок-н-ролле, «новой волне» французского кинематографа, невозвращении советского танцовщика Рудольфа Нуриева... В целом же события романа охватывают период с октября 1959 по сентябрь 1963 г., пролог из 1980 г., «обратные кадры» – как художественный прием – переносят в 1952 г. Париж 1950–60-х гг. составляет только верхушку романного «айсберга», на глубине – Ленинград 1952 г., а точнее «ленинградское дело врачей-вредителей» или «врачей-отравителей» – один из сталинских сценариев геноцида собственного народа.

Как известно, репрессии в отношении советских граждан имели обыкновение разрастаться подобно снежному кому. Аналогичным было и «ленинградское дело»: врачи – евреи – космополиты... Собственно, это объясняет, почему «русское крыло» «клуба неисправимых оптимистов» составляют евреи из СССР.

Тот, кто мог, бежал из страны; ленинградцы уходили через финскую границу, как это делали братья Маркиш, Игорь и Саша. И в основном беглецы избирали для себя местом пристанища, земли-оберега от грозящей им реальной смертельной опасности, Францию, «родину прав человека» [1, с. 79]. Хотя,

например, для Леонида Кривошеина, запросившего политического убежища в Англии ради воссоединения с любимой женщиной, французкой Миленой, «главное в земле обетованной не земля, а обещание счастья» [1, с. 338]. Впрочем, как показывают события, в итоге и Илья Маркиш, и Леонид Кривошеин, и Виктор Володин, а с ними «венгры, поляки, румыны, немцы из ГДР, югославы, чехословаки, уйдя на Запад, обрекли себя не только на горькую участь бездомных бродяг, теней, парий – без денег, с дипломами, которых никто не признавал, но и на общую судьбу ренегата, отступника, изменника», как жестко окрестил беглецов Франк, старший брат Мишеля, главного рассказчика в романе, и это делало их в его представлении «хуже предателей» [1, с. 78].

Но даже самим беглецам-ренегатам, не говоря о молодом француз-максималисте, была неведома истинная цена, которую они заплатили, выбрав свободу и жизнь. Этим знанием обладает единственно Саша, назвавшийся в прощальном письме Мишелю «стирателем малейшего следа <...> существования» [1, с. 568] людей, осужденных сталинским режимом. Будучи начальником службы фотомонтажа четвертого отдела Второго управления МВД майор Александр Маркиш учил слушателей ленинградского министерства оставлять от «врагов революции лишь тени, дыры, пустоты»: «Мы ясно даем понять: вот что бывает с предателями. Они исчезают. Их стирают. Окончательно и бесповоротно. <...> Единственными изображениями исчезнувших будут снимки в фас и профиль, сделанные тюремным фотографом» [1, с. 586–587]. Кроме того, по его словам, предателей «убьют еще раз, искромсав бритвой» фотографии арестованных мужей, отцов, братьев, тысячи женщин и детей, побуждаемые «следовать примеру властей, делом доказывая преданность революции. <...> Забывшие навести порядок в доме также будут обречены на исчезновение» [1, с. 586–587].

Как можно представить из всего сказанного, аналогичные действия по обеспечению «стирания» врагов советского государства предпринимались и по отношению к беглецам, подтверждением чему является изымание Сашей изображения Игоря с коллективного снимка врачей клиники Тарновского. Но в данном случае майор Маркиш действует исключительно во благо брата: уничтожая его присутствие на данном фото, он тем самым лишает власти дополнительного напоминания о нем, наверняка чреватого для семьи предателя – матери, жены, сына-подростка, маленькой дочери, оставшейся в Ленинграде.

Между тем русские беглецы, превратившиеся на родине по чудовищному замыслу власть предержащих в «пустоты», ничто, прах, на чужбине ощущали себя живыми и, главное, считали «грехом

жаловаться на судьбу» [1, с. 79], «оскорблением тех, кто остался там», в сталинском загоне, обреченных на удел родственников предателя. Собственно, стремлением принять, пережить, укрепить себя в бездомном сиротстве и был создан «клуб», объединивший тех, кто заплатил горькую цену добровольного изгнания за возможность быть живым и свободным и при этом не утратил жизненного и веры в будущее. Именно об этом свидетельствует диалог Леонида Кривошеина с Игорем Маркишем: «Завтра будет новый и лучший день. Жаль, что ты так негативно настроен, Игорь Эмильевич. Лично я – оптимист. – Я тоже, – ответил Игорь. – Худшее впереди. Будем радоваться тому, что имеем сейчас» [1, с. 370].

Впрочем, кому как не им быть «неисправимыми оптимистами», если уже терять больше нечего? Тем, кто оставил достойные профессии врача, летчика, актера, продюсера, финансиста в прошлой жизни вместе с покинутыми, а точнее сказать, брошенными семьями, отчего годами их не покидает бессонница. Тем, кто запрещает себе жить воспоминаниями, поскольку «условие простое – забудь или умрешь» [1, с. 125] от безмерной тоски по оставленным далеко-далеко родным и близким.

Вот на такой ноте очевидного безмерного и непреходящего горя в связи с утратой себя прежнего в огромном парижском бистро «Бальто», расположенном на площади Данфер-Рошро, посреди которой дремлет каменный лев скульптора Бартольди, в задней комнате с двумя окнами на бульвар Распай, приспособленной владельцем кафе папашей Маркюзо под складское помещение, а потому заставленной «столиками, складными стульями, зонтиками, ободранными банкетками и ящиками из-под бутылок» [1, с. 65], образовался шахматный клуб.

Знаменательным представляется, что его дверь, находящаяся в глубине зала за банкетками, была замаскирована от посторонних глаз зеленой плюшевой портьерой, что, естественно, вызывало ощущение некоего «занавеса», создававшего полосу отчуждения, своего рода отгороженности клуба, откуда, как успел заметить Мишель, кроме официанта с подносом пустой посуды, никто не выходил. Да и увиденный им однажды посетитель «тайной комнаты – плохо выбритый человек в поношенном грязном плаще, своим видом (почему он так странно одет, ведь дождя не было много недель?) лишь усилил интерес к происходящему в ней, отчего движимый любопытством Мишель отодвинул портьеру и увидел сделанную от руки надпись: «Клуб неисправимых оптимистов» [1, с. 74].

Так в жизнь 12-летнего парижанина Мишеля Марини вошло то, что сегодня называют «третьим местом», которое, учитывая переходный возраст героя, с одной стороны, изрядно потеснило и без того безынтересное для него «второе место» – учебу

в престижном лицее Генриха IV, с другой – существенно трансформировало взаимоотношения неговорчивого и подверженного рефлексии Мишеля с домашним окружением. Более того, когда распадается его семья, он не остается один – «другие “отцы”» [5] из маленького клуба «неисправимых оптимистов» с разными взглядами на жизнь, разными судьбами и пережитыми драмами уводят его во взрослый мир, в котором нет места проблеме отцов и детей, поскольку члены клуба воспринимают Мишеля равным себе собеседником, например, вместе обсуждают его непростую любовь к сверстнице Камилле и поэзию Рембо. Они же учат вконец отчаявшегося мальчика, наверное, самому главному: «Ты жив, так живи!» [1, с. 81].

А Мишель как лучший на свете сын отдает им сторицей, становясь преданным учеником для Игоря, по-настоящему единственным слушателем – для Леонида. Что касается «неклубного» Саши, то этот мальчик – его спасение и, как покажет финал романа, исповедник.

Безусловно, Генассия занимало, каким образом показать в романе «клуб неисправимых оптимистов», который, сообразно его замыслу, должен объединить множество тем, сюжетных линий, воплощающих судьбы большого числа героев, словом, все то, что подробно разрабатывалось автором в повествовании. И писатель решил представить события в романе глазами подростка, который стал главным рассказчиком. При этом необходимо заметить, что Генассия доверился Мишелю не без оснований: образ мальчишки с книгой в руках, читающего на уроках, по ночам, в кафе и даже на ходу, влюбленного в кино, фотографию и рок-н-ролл, преданного в дружбе и любви, зрело размышляющего и много думающего, необычайно располагал к себе. Конечно, взгляд юного Мишеля в определенной степени корректировался и дополнялся взглядом взрослого Мишеля Марини, человека из 1980 года. Вместе с тем на всем протяжении повествования Генассия сохраняет непосредственность, в чем-то даже наивность позиции рассказчика, а также столь необходимую, прежде всего для «неисправимых оптимистов», незамутненность взора, чистое сознание, открытое и готовое принять их такими, какие они есть: самыми разными, отверженными, страдающими, бесприютными.

Именно всепроникающее чувство бездомности членов «клуба неисправимых оптимистов» и дает основание квалифицировать данное сообщество людей как «третье место», обозначающее, по Р. Олденбургу, «большое разнообразие публичных мест, в которых происходят регулярные, неформальные, добровольные, радостно ожидаемые встречи индивидов вне рамок дома и работы» [3, с. 58]. Иначе говоря, в таких местах сходятся без оглядки на социальный статус и материальное положение, но

исключительно по интересам [6, с. 53], а главное – надеются оказаться в месте будущего дружеского общения – отсюда и радость ожидания сбывшихся надежд.

Нечто подобное предвкушают от своего «места» и члены клуба, казалось бы, объединенные общими интересами и стремлением к комфортному времяпрепровождению на нейтральной территории. На самом деле последнее не исчерпывает смысла их встреч в «большом бистро на площади Данфер-Рошро» [1, с. 35]. И объясняется это тем, что с клубом его завсегдатаи, эмигранты-бездомники, сопрягают самое сокровенное в их настоящем положении – надежду на обретение своего угла в пространстве чужого города. Иными словами, клуб помимо традиционной функции «третьего места» выступает в роли отсутствующего у его членов «первого места» – дома. Собственно, на этом основании и возник клуб, связавший не столько любителей шахмат («двое или трое терпеть их не могли и все-таки каждый день приходили в “Бальто”»), сколько людей общей судьбы – тех, кому больше некуда было пойти» [1, с. 76]. И в этом смысле «клуб неисправимых оптимистов» представлял собой некую «специфическую городскую социальную группу» [4] со строгим отбором: «Любой мог прийти в клуб и сыграть партию, но решение о членстве принимали Игорь и Вернер. Единственным критерием была их добрая воля» [1, с. 128]. Хотя вполне очевидно, что предпочтение отдавалось тем, кто покинул родину «по политическим мотивам – как и остальные члены клуба» [1, с. 120].

Последнее обстоятельство вносит еще одну заметную коррективу в статус шахматного клуба как «третьего места», которое, будучи неформальной общественной локацией, могло объединять самых разнообразных людей. А в клубе даже присутствие французской интеллектуальной элиты в лице Сартра, Камю и Кесселя, также его завсегдатаев, не выглядело инородным, поскольку их убеждения могли с лихвой потянуть на «внутреннюю эмиграцию» в собственной стране. Иначе что заставляло Сартра и Кесселя материально поддерживать чужаков, изгнанников, как не собственное противление всему конформистскому? Неслучайно третий из них, Камю, «получил нарицательное имя при жизни – Совесть Запада» [1, с. 75].

Нетрудно заключить, что частный клуб [1, с. 128], как его называет Игорь Маркиш, через своих членов отражает европейские катаклизмы, вырывающие людей из родной почвы и рассеивающие их по чужому миру.

Осевшие и обретшие в клубе с двумя окнами на бульвар Распай подобие пристани изгнанники консолидируются «на основе общих интересов, ценностей, образа жизни» в призме их временной синхронизации: прошлого (воспоминания),

настоящего (общие поведенческие практики), будущего (наличие общих планов) [6, с. 50]. Действительно, в их жизненной ситуации время прошлое, настоящее и будущее не только стянуто в единое целое и протекает как бы одновременно, но оно взаимозависимо и взаимообусловлено. Так, в прошлом все «они бежали из родных стран», потому что «выбрали свободу, но при этом покинув жен, детей, семьи и друзей» [1, с. 78], и за свой выбор в настоящем расплачиваются большой совестью, непреходящими бессонницами, бесприютностью, безденежьем и общественным статусом парий, маргиналов, апатридов, обреченных на отсутствие каких-либо перемен в будущем. Прошлое не оставляет их: «Жены, дети и родина жили в их памяти и сердцах. Они хранили им верность» [1, с. 78], хотя каждый ведет себя так, как будто прошлого у него нет, и только «занят тем, чтобы заработать на жизнь» [1, с. 78–79] в настоящем, мысли о будущем – без родины, семьи, профессии – оказывались невыносимыми, отчего на помощь и был призван «неисправимый оптимизм, который спасал от невыносимого превращения в бездомных бродяг, одиночества и ностальгии» [1, с. 79]. Собственно, это было повторение парижской судьбы русских эмигрантов 1920–40-х гг. (Генассия, как известно, главными героями романа сделал политических беглецов из России), за которыми неотвязно тянулись также бездомность и нищета, отсутствие гражданства, а потому бесправие, работа таксистами, занятия всяческим поденным трудом [7]. И только одно отличало эмигрантов предыдущих десятилетий от политической эмиграции 1950-х гг. в романе Генассия: в их сознании «Париж так и остался временным прибежищем» [7, с. 22], в то время как члены клуба, однажды выжившие, спасшиеся бегством, не позволяли себе даже мечтать о возможном возвращении на родину [1, с. 79].

Поэтому изначально сознавая отсутствие перспектив, с одной стороны, возврата домой (и соответственно непреложность парижского настоящего), с другой – преодоления эмигрантского изгойства, члены клуба, сообразно обитателям «третьего места», заняты выстраиванием своеобразного «жизненного уклада», «устоявшихся практик, включенных в данное сообщество индивидов, отличных от повседневных практик» городского «большинства», основывающихся преимущественно «на эмоциональной связи» клубного сообщества: «приязнь к “своим”/неприязнь к “чужим”» [6, с. 50]. Что касается обстоятельства «приязни к своим», то об этом красноречиво свидетельствуют взаимоотношения Игоря Маркиша с Жозефом Кесселем из числа его «клиентуры полуночников, которых он развозил по домам на рассвете», ставшего другом ему самому и многим членам клуба. «Некоторые по-

том узнавали себя в героях его книг» [1, с. 208–209]. Но, пожалуй, самым красноречивым примером «приязни к своему», точнее сказать, узнавания в незнакомом человеке «своего» является встреча Игоря в бытность его работы ночным санитаром в больнице «Питье» с немецким антифашистом Вернером Толлером, избитым на улице и брошенным умирать, а затем оставленным без медицинской помощи в больничном коридоре. Когда инспектор Даниэль Маго поинтересовался, почему он заботится о незнакомце, Игорь (сидевший у больничной койки Вернера 59 дней, пока тот не вышел из комы) ответил очень просто: Он был один. Я был один [1, с. 167]. Наверно, поэтому они и создали клуб, чтобы у людей с похожей судьбой избыть муку одиночества и бесприютности изгоев в Париже. Правда, в одном человеке Игорь так и не сумел разглядеть «своего» – в Саше, родном брате, поэтому не узнал, какую цену заплатил тот за его спасение. Тем не менее, ошибочно причисленный к «чужим», сполна будет вознагражден Игорем, когда голосом последнего зазвучит над его могилой «кадиш, поминальная молитва», посылающая прощение ему, а также забвение прошлому, «взаимной вражде, ненависти, совершенным ошибкам...» [1, с. 603–604].

К явным же «чужим» безоговорочно можно причислить мсье Лоньона, который в течение нескольких месяцев «с внимательным и приветливым выражением» на лице часами находился «в обществе Павла, Томаша, Имре, Владимира или любого другого члена клуба» и вообще производил впечатление «умудренного жизнью участливого пенсионера» [1, с. 221], а на деле оказался инспектором «из Управления общего осведомления префектуры», приставленным полицией следить за всем происходящим в клубе. Правда, он ничем не навредил ему, поскольку «не услышал и не увидел ничего важного за все время своего пребывания в нем. Он просто приходил, сидел и слушал. – Да, он продолжит делать свое дело, пока его не отзовут. Лучше он, чем кто-то другой [1, с. 225]. Так и решили, дополнительно взяв с полицейского обещание, что он не причинит клубу ни малейшего вреда» [1, с. 227]. Однако в клубе за ним прочно закрепилось прозвище «Братец Большие Уши» [1, с. 226], и «с того дня стоило Лоньону появиться, все разговоры стихали» [1, с. 227].

В клубе вообще, за редким исключением времени яростных споров его членов, стояла тишина. «Тишина была неотъемлемой составляющей клуба» [1, с. 80] – эта фраза звучит как императив, но не в смысле «повеления, безусловного требования» атмосферы тишины, а скорее в его философском истолковании – как нравственное предписание, поскольку это место пребывания душ, измученных тяжким жребием изгнанничества. Не потому ли

в тексте звучит слово «покой» в качестве коррелята «тишины» («в действительности людям нужна была не столько тишина, сколько покой» [1, с. 80]), семантически сопряженный скорее не с физическим состоянием в помещении, но с метафизическим понятием «душа».

Впрочем, закономерностью жизненного уклада клуба было присутствие в нем и «оглушительно-го смеха, сменяющего тишину» [1, с. 80], и, так же как «тишина» и «покой», исполненного глубинного мировоззренческого смысла смеха, призывающего жить, несмотря ни на что. Отсюда неукоснительным требованием в «клубе неисправимых оптимистов» являлось преодоление тоски и уныния: «Того, кто впадал в уныние и не мог скрыть тоску, немедленно призывали к порядку: Не доставай нас своими проблемами. Ты жив, так живи!» [1, с. 80].

Несомненно, тихая, спокойная жизнь клуба, время от времени нарушаемая смехом, шутками, анекдотами, создавала зримую атмосферу уюта и внутреннего комфорта, в которую попал Мишель, бесстрашно открывший заветную дверь потаенной комнаты, и которая дополнилась камерностью, приватностью клубных занятий, запечатленной в картине, увиденной глазами мальчика: «Человек десять мужчин были заняты игрой, с полдюжины других наблюдали. Одни сидели, другие стояли. Остальные разговаривали тихими голосами. <...> Двое мужчин сидели в креслах и читали иностранные газеты. Никто не обратил на меня внимания» [1, с. 74].

Между тем клуб, насквозь пронизанный силовыми линиями послевоенного времени и наступающих непростых французских 1960-х гг., затруднительно воспринимать исключительно как нейтральное – тихое, спокойное, камерное, приватное – «третье место», ибо ему присуще явное социальное действие, обнаруживаемое в склонности членов клуба, политических эмигрантов Восточной Европы, к социальным коммуникациям, посвященным политическим и общественно значимым вопросам.

Данное обстоятельство в немалой степени усугубляется отсутствием у членов клуба приватной (частной) жизни как таковой, семейных, домашних связей, от которых они были насильственно оторваны. Также к этому можно добавить неизменно живущую в их сознании мысль о предательстве семьи и друзей, закономерно провоцирующую устойчивую внутреннюю травму, лишаящую членов клуба стремления к выстраиванию каких-либо личных «сценариев», тем самым обрекая изгнанников на неминуемое одиночество, скрашиваемое лишь присутствием в их жизни клуба с характерной для него не только приватной, но и явной публичной сферой, согласно Ю. Хабермасу, – «неформальной сетью для обмена информацией и точками зрения» [1, с. 30].

Отсюда общение в клубе как территории «третьего места» закономерно приобретает ярко выраженную идеологическую характерность, отчего даже сама непринужденная речь – а она является неотъемлемой составляющей «третьих мест», поскольку люди, собравшись, обычно не молчат [8, с. 181], – включает в себя «императивы» со свойственной им категоричностью. Так, в клубе «вели бесконечные споры, жаркие и злые споры, задавались вопросами без ответов: “Почему ничего не вышло? Где мы допустили ошибку? Что, если Троцкий был прав? Во всем виноват Сталин или мы его поделщики, чистай – чудовища? Мы тоже виноваты?”» [1, с. 78].

Однако в клубе эмигрантов, где объективно существовали непримиримые противоречия, ибо «одни ностальгировали, но окончательно порвали с социализмом, другие по-прежнему верили в доктрину и пытались разрешить не имеющие решения дилеммы» [1, с. 81], иного и быть не может. Поэтому, как замечает внимательный Мишель, и «отношения между ними бывали либо благостно-дружелюбными, либо запредельно враждебными» [1, с. 81].

Тем не менее отцы-основатели клуба, Игорь и Вернер, склоняли его участников к принятию позиции Другого. В противном случае клубу грозила утрата того, без чего он как «третье место», а именно комфортная территория для встреч, существовать не мог – это собственно коммуникативный акт, сопряженный с обменом мнениями.

Наконец, в коммуникативном поле «третьего места» всегда присутствует «слушатель» [8, с. 181], каковым в «клубе неисправимых оптимистов» является Мишель. И то, что он слушает, и то, как слушает, приводит к впечатляющему результату: из мечтательного, эмоционально подвижного юнца-книгочея вырастает тот, кто способен к рассудительным и действенным поступкам, проявляющим в Мишеле личность, наделенную глубоким состраданием и готовностью участия в судьбе близкого и любого другого человека. А еще Мишель Марини тот, кто авторской волей не только много слушает и взрослеет под воздействием своих необычных «учителей», но и кто много говорит, непрестанно находясь в диалогах, и в них учится проговаривать свои мысли о мире и людях, постепенно переходя из приватного, домашнего, мальчикового мира в публичную сферу клуба, отражая в своем сознании всю полноту картины его жизни и самый образ клуба как «третьего места» – того самого «собрания» людей, в котором «им не нужно было ничего объяснять или оправдываться, ибо здесь они были среди своих, среди изгнанников, и понимали друг друга без слов» [1, с. 78–79]. И мальчику оставалось хорошо запомнить это напутствие «третьего места» о человеческом взаимодоверии и взаимопонимании и пронести его через свою жизнь.

Библиографические ссылки

1. Генассия Ж.-М. Клуб неисправимых оптимистов / пер. с фр. Е. Клоковой. М., 2014.
2. Вопросы социальной теории : науч. альм. 2012 / под ред. Ю. М. Резника, М. В. Тлостановой. М., 2012. Т. VI : Человек между мирами (онтологические, эпистемологические, социокультурные и психологические проблемы пограничья).
3. Ольденбург Р. «Третье место»: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / пер. с англ. А. Широкаковой. М., 2014.
4. Квят А. Г. История зарубежных городских коммуникативных исследований [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2014. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1598> (дата обращения: 25.12.2016).
5. Сергиева Е. Катарсиса хватит не на всех // *libs.ru* : [сайт]. URL: <https://libs.ru/publication/3379> (дата обращения: 25.12.2016).
6. Лебедева Е. В. «Третье место» как основа формирования городских сообществ // Актуальные проблемы исследования коммуникационных аспектов PR-деятельности и журналистики : сб. материалов науч. семинара (Псков, 15 мая 2015 г.). Псков, 2015. С. 47–57.
7. Зверев А. М. Повседневная жизнь русского литературного Парижа. 1920–1940. М., 2003.
8. Мисонжиков Б. Я. Понятие «третьего места» как элемента системы коммунитаристских ценностей // Управленч. консультирование. 2011. № 2. С. 178–182.

References

1. Genassiya Zh.-M. Klub neispravimyykh optimistov. Moscow, 2014 (in Russ.).
2. Issues in social theory : sci. alm. 2012. Moscow, 2012. Vol. VI : Human being between the worlds (ontological, epistemic, socio-cultural and physiological aspects of the border) (in Russ.).
3. Ol'denburg R. Tret'e mesto: kafe, kofeini, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta «tusovok» kak fundament soobshchestva. Moscow, 2014 (in Russ.).
4. Kvyat A. G. The history of foreign urban communication studies [Electronic resource]. *Mediascope*. 2014. No. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1598> (date of access: 25.12.2016) (in Russ.).
5. Sergieva E. Katarsisa khvatit ne na vseh. *libs.ru* : [site]. URL: <https://libs.ru/publication/3379> (date of access: 25.12.2016) (in Russ.).
6. Lebedeva E. V. «Tret'e mesto» kak osnova formirovaniya gorodskikh soobshchestv [«The third place» as the basis of city communities' formation]. *Aktual'nye problemy issledovaniya kommunikatsionnykh aspektov PR-deyatelnosti i zhurnalistiki* : sb. mater. nauchn. semin. (Pskov, 15 May, 2015). Pskov, 2015. P. 47–57 (in Russ.).
7. Zverev A. M. Povsednevnyaya zhizn' russkogo literaturnogo Parizha. 1920–1940. Moscow, 2003 (in Russ.).
8. Misonzhikov B. Y. The concept of the «third place» as an element of communitarian values. *Adm. Consult.* 2011. No. 2. P. 178–182 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 19.10.2016.
Received by editorial board 19.10.2016.